

УДК 929:94(476)-054.72:94(437)

«МАЛЕНЬКИЕ» ЛИЧНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ ПРАЖСКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920-х гг.

канд. ист. наук О.Е. ЗУБКО
(Винницкий национальный аграрный университет)

Предоставленный материал информирует о белорусах, воевавших в военных подразделениях Армии УНР (1917–1921): мозырчанине Антоне Белинском, бобруйчанине Александре Жиховиче, старожиловичанине Григории Ефременке, могилёвчанке Марине Нестеренковой; Павле Ходаркевиче и Петре Антоновиче, место рождения, которых не известно. Оказавшись за границей, в межвоенной Чехословакии, все они постарались переосмыслить свою жизнь и добиться с помощью высшего образования нового социального статуса. Как «маленькие» личности белорусской пражской эмиграции, они – важный и значимый объект исследования «большой» (социальной) истории.

Ключевые слова: белорусская эмиграция, межвоенная Чехословакия, биографии, социальная история, 1920-е годы.

Академически под биографией понимают жизнь человека как совокупность его поступков, событий и умонастроений. Биография также подразумевает описание жизни человека, с целью выявления исторических, национальных и социальных обусловленностей, психологического типа его личности [1, с. 162]. Поэтому едва ли можно найти в современной историографии социальной истории более важный и значимый объект исследования, чем человек «маленький», творящий «большую» историю.

Имели свои биографии и пражские белорусы, оказавшиеся в межвоенной Праге при различных обстоятельствах и разными путями. Большая часть белорусов после поражения национально-освободительного движения 1917–1921-х годов «попала» в ЧСР нелегально или полулегально из Литвы и Польши; но были и те, кому «посчастливилось» приехать сюда из лагерей интернированных в Польшу и в Румынии украинских подразделений армии УНР. И стоит отметить, что «украинский военный вектор» в судьбе последних в той или иной мере сыграл огромное значение.

На данный момент известно, что в рядах регулярной армии Украинской Народной Республики (1917–1921) (4-я Киевская дивизия и 3-я Железная дивизия) воевало пятнадцать белорусов. Двое из них – Иосиф Белевич и Александр Пороховщиков – в своей военной карьере продвинулись на высшие армейские руководящие посты – генералы-хорунжие (генералы-майоры). Остальные служили в различных званиях. 4-я Киевская дивизия: Владимир Бортницкий и Даниил Герасимук – офицерами; Александр Лисовский – писарем; Михаил Малевич – деловодом; Андрей Шафрановский – фельдшером дивизионного госпиталя; Антон Белинский – хорунжим; Иван Щербов – старшиной; Николай Иванов – подполковником; Григорий Спартак – казаком [2]. 3-я Железная дивизия: Александр Жихович – дивизионным врачом; Владимир Куровский – казаком; Григорий Ефременко – поручиком. Марина Нестеренко (Нестеренкова) – «зв'язковою з повстанцями» Генерального штаба УНР, переводчиком.

Пехотная 4-я Киевская дивизия была сборным военным пехотным подразделением из частей Киевской группы, 9-й Стрелковой дивизии и Гуцульского полка морской пехоты. Дата её формирования – 15 ноября 1920 года. Командиром дивизии был назначен генерал-хорунжий Юрий Тютюнник. Эта дивизия принимала участие в так называемых «Зимних походах» (партизанских рейдах в тылах большевиков в 1920–1921 годах с целью дезорганизаций их коммуникаций) и командующий этой дивизии в ходе советской операции под кодовым названием «Синдикат-4» был обманом вывезен в УССР и использован с целью дискредитации украинской эмиграции.

3-я Железная дивизия была стрелечкой дивизией, но тоже сборной. Дата её формирования – июнь 1919 года. В её состав вошли: казачий отряд генерала-хорунжего Николая Шаповала (родного брата Никиты Шаповала – лидера украинских эсеров в Праге), казачие курени (роты) полковников Владимира Ольшевского и Павла Шандрука, а также Буковинский казачий курень сотника Емельяна Кантемира. Своё название «Железная» дивизия получила за мужество и выдержку в боях с отрядами Ионы Якира за города Вапнярку и Жмеринку в 1919 году как важные стратегические железнодорожные узлы, открывающие дорогу на Одессу, Черновцы, Тернополь, Каменец-Подольский и Львов. Ротация дивизии состоялась в августе 1920 года в районе города Могилёв-Подольский, после её поражения в боях с отрядами Добровольческой (Деникинской) армии.

Для белорусов и украинцев «украинский военный вектор» имел действительно огромное значение. Конец двух дивизий был печальным и бесславным. Остатки 4-й Киевской дивизии были разгромлены под селом Базар Нарочинского района Житомирской области 17 ноября 1921 года отрядом Г. Котовско-

го. А командующий дивизии – генерал-хорунжий Юрий Тютюнник, как уже было сказано выше, в ходе спецоперации ГПУ был вывезен в УССР и использован с целью дискредитации украинской эмиграции. Каково было читать бывшим подчиненным Тютюнника хотя бы такие его строчки: «*Национальные герои*» типа Петлюры и Левицкого (президента УНР) торговали землями украинской нации, душами миллионов украинских рабочих и крестьян, торговали, скрываясь, как воры от народного глаза и никого не спрашивали. Они же себя считали призванными освободить украинский народ. Вот и «освобождали», отдавая Галицию и Волынь с Холмицкой под господство польского магната....» [3, с. 28].

Не лучше ситуация складывалась и для 3-й Железной дивизии. На польско-украинском фронте против Красной армии 3-я Железная стрелковая дивизия была на правом фланге. Вместе с армией УНР она отступила к Галиции, вне реки Днестр; в августе 1920-го вернулась в Украину и в результате успешной ротации насчитывала более 2000 боевых единиц. После последних боёв с советскими войсками в районе Новой Ушицы (Хмельницкая область) в ноябре 1920-го под давлением превосходящих сил противника перешла границу по реке Збруч.

Всё это было концом военного сопротивления регулярных подразделений армии УНР. Интернированные в румынских и польских лагерях украинские солдаты (как украинцы, так и белорусы) мучительно искали ответы на вопросы «Почему?» и «Что дальше?». Всем без исключения давно надоело воевать, всем хотелось нормальной жизни. Именно поэтому военных кумиров очень быстро потеснили иные: рядовые украинские преподаватели высших учебных заведений, а то и просто школьные учителя. Ведь у большинства интернированных либо отсутствовало среднее образование, либо оно было неоконченным. Немногие имели высшее, а у некоторых оно было неоконченным. Понимая, что рано или поздно придется возвращаться, молодые люди задумались всерьёз о своём новом социальном статусе. Тем более, что новые чаяния на первых порах подпитывались «концепцией быстрого возвращения» и эмиграционным лозунгом – «Подготовка руководящих кадров для будущих Самостоятельных Украинского и Белорусского Государств». Ту атмосферу и тот момент удивительно точно передают строчки надднепрянца Виктора Приходька, друга старожировичанина (гродненца) Григория Ефременка (оба – выпускники Украинской Сельскохозяйственной Академии в Подебрадах), который восторженно писал в 1922-м: «*Студенты Академии – это в основном старшины и казаки. Вначале Российской армии, затем Украинской. Натерпелись. Настрадались. Вначале в Первой мировой войне (1914–1918 гг.), потом в Украинской армии (1917–1920 гг.), и, наконец, в польских и румынских лагерях, увы, за колючей проволокой (1920–1923 гг.) И вот, человеческая жизнь: Подебрады. Чистенький город, приветливый народ, уютные комнатки и белоснежные «пежины» – «перины».... Чешские хозяйки никак не могли понять, почему те «русы» (так они называли нас) допозна засиживаются над своими книгами и это в то время, когда каждый «пожадный» («порядный») чех ложится спать в 9-м часу вечера» [4, с. 22] (Перевод с украинского наш – О. З.)*

Перед интернированной молодёжью в межвоенной ЧСР открыли двери Украинский свободный университет (1921), Украинская Сельскохозяйственная Академия в Подебрадах (1922), Украинский высший педагогический институт им. М. Драгоманова в Праге (1923), Украинская студия пластического искусства (1925).

Но вот здесь интересы интернированной молодёжи разошлись. С одной стороны, сработал менталитет, а с другой – значительный вес имел так называемый «рейтинг профессий» в среде эмигрантских общин Праги.

Как известно, менталитет трактуется как образ мышления, мироощущения, духовных настроений, которые свойственны нации. Он воплощается в чертах национального характера. Для белорусов – это терпимость (с толерантностью), трудолюбие, гуманность, стойкость к жизненным обстоятельствам: всё то, что отражает традиции, обычаи и повседневный опыт народа. Стоит учесть и то, что белорусы – исконно нация земледельцев, нация, уважающая хлеб и знающая цену хлеба. Поэтому большинство из них выбор сделали в пользу Подебрадской Сельскохозяйственной Академии, что еще раз подчеркнуло: 9 из 10 белорусов подходили к вопросу выбора профессии со здоровой толикой прагматизма.

Тогда как в существующем в 1920-х годах в Праге среди славянских эмигрантских общин «рейтинг профессий» инженеры и экономисты удерживали почётное «золото». Второе место делили между собой учителя и ветеринары. «Бронза» была за медиками, а на четвёртом месте размещались юристы [5, с. 14].

В июне-июле 1924 года по инициативе Чешского Красного Креста и с целью предоставления надлежащей материальной помощи эмигрантам было проведено статистическое исследование (анкетирование) среди украинских, белорусских и грузинских студентов. Среди белорусов опрашивали именно тех, которые не вошли в перепись российских студентов. В составе Статистической комиссии значилась «профессура» Сельскохозяйственной Академии: профессор Фёдор Щербина, доцент Леонид Шрамченко и ассистент Евгений Приходько.

Выводы были показательными. Так, в отчёте комиссии указывалось, что среди белорусов в Праге учится 64 мужчины и 8 женщин; в Подебрадах – 4 мужчины и 1 женщина; в Брно – 2 мужчин и ни одной

женщины; в Пшибраме – 1 мужчина и ни одной женщины; в Братиславе – 2 мужчин и ни одной женщины. Всего 73 мужчины и 9 женщин (82 osoby). В процентном соотношении это составляло 4,5% всего белорусского студенчества, которое принимало участие в анкетировании.

Национальным языком был указан белорусский язык. Границы центральной возрастной группы не выходили за рамки 26–30-ти лет. 43,3% анкетированных белорусов назвали себя атеистами, остальные – православными. Но, как отмечал в отчёте доцент Шрамченко относительно последнего вопроса, это не позволяло утверждать об абсолютном атеизме белорусов, «...так как был поставлен буквально вопрос: «Вероисповедание: формально или по убеждению?» [5, с. 10].

Бывшими студентами оказалось 19 белорусов, что составило около 23,2% опрошенных. Количество белорусов, которые никогда не были студентами, равнялось 63-м или 76,8%. Примечательно, что вопрос «Причины прерывания образования?» белорусы проигнорировали [5, с. 10].

Наиболее интересной является белорусская «статистика профессий», в который раз подтверждающая существующий в эмиграционной среде «рейтинг» [5, с. 12] (таблица).

Таблица

Профессия	Мужчины	Женщины
Инженеры-механики	14	0
Инженеры-технологи или инженеры-химики	1	0
Инженеры-гидротехники или инженеры горной промышленности	1	0
Инженеры-агрономы	8	0
Инженеры-лесники	6	0
Экономисты, кооператоры, статисты	4	0
Ветеринары	1	0
Педагоги и естествоведы (географы, ботаники, математики и т. д.)	9	3
Медики	15	3
Юристы	0	0

Большинство опрошенных белорусов указало, что владеют только одним иностранным языком. Удивительно то, что это был не польский или русский язык, а французский. Так, 8 пражских белорусов блестяще владело именно французским языком, 10 – английским, 14 – немецким. Двумя языками (французским и английским) владело 5 белорусов. Белорусы, которые обучались на музыкально-педагогическом факультете УВПИ им. М. Драгоманова или в Студии пластического искусства, дополнительно изучали итальянский язык [5, с. 14].

И наконец, статистические данные относительно состояния здоровья. В 1920-х основной угрозой для белорусской эмиграционной общины в ЧСР была банальная «инфлюэнца», или простуда. На втором месте стоял туберкулёз, а на третьем были кардиопроблемы. Из 67 опрошенных человек 45 оказалось больными, что позволило комиссии констатировать: состояние здоровья белорусов носит угрожающий характер – четвертое место после надднепрянцев, галичан и волынцев.

Как уже было отмечено выше, военных кумиров потеснили учителя и педагоги высшей школы.

В частности, для *Антоня Иокифовича Белинского* – хорунжего 4-й Киевской дивизии – таким кумиром стал украинский химик Николай Вилкул, ведь Антон Белинский решил связать свою жизнь с химией и сознательно выбрал специализацию – инженер-химик-технолог. Он указан, как «абсолювент» – «человек, окончивший курс наук» и выпускник (получивший диплом в 1927 году) Подебрадской Академии в книге летописца жизни и деятельности украинской межвоенной эмиграции Симона Нарижного [6, с. 152]. Тогда как биография Антона Иокифовича – это, действительно, биография «маленького человека». Родился 17 января 1897 года в городе Мозыре Минской губернии. Окончил Мозырскую гимназию в 1916 году. Вначале обучался на факультете механизации Петербургского технологического института. Затем, «в ходе исторических событий» (Первая мировая война – О. 3.), закончил 2-ю Петербургскую школу прапорщиков. В украинской армии (уточним, сперва армии гетмана П. Скоропадского – О. 3.) оказался в 1918 году, о чём написал в своих воспоминаниях «На приграничье», был интернирован в румынский лагерь города Орадеа-Маре, знал «немецкий и французский язык в размере курса гимназии».

Имя кумира Антона Белинского – Николая Вилкула – тесно связано с Каменец-Подольским государственным университетом, основанным 2 октября 1918 года по инициативе украинских деятелей и граждан Подолья. Здесь были открыты историко-филологический, естественно-математический, богословский, права и сельскохозяйственный факультеты. Университет стал центром украинской науки и

культуры, где собрались выдающиеся украинские ученые и общественные деятели: К. Клепатский, Н. Плевако, А. Чернявский, Ю. Русов, И. Шереметинский. Вместе с деканом сельскохозяйственного факультета, Борисом Иваницким, Николай Вилкул переехал в Тарнов, а затем в Подебрады. В УСА Николай Вилкул специализировался на химическом анализе грунтов и химико-механической переработке древесины, то есть учил не только уважительному и бережному отношению к лесу, но и рациональной переработке древесины как основы топлива, целлюлозы, бумаги, картона, различных строительных материалов, древесного пластика, шелка, фенола, лаков, красок, растворителей и многих других соединений и материалов, необходимых в хозяйстве.

Стоит отметить, что Антон Иокингфович в химической лаборатории УСА пересекался с известным украинским поэтом «Пражской поэтической школы» Леонидом Мосендзом. Мосендз в то время, химик по призванию (поэзия была лишь его хобби – О. З.), плотно занимался проблемами тяжелой воды или оксида дейтерия, и если бы не некоторые обстоятельства, то Нобелевскую премию по химии в 1932 году за открытие тяжеловодородной воды получил бы он, а не Гарольд Юри. Сам же Леонид Мосендз лишь горько шутил по этому поводу: «Я не химик, не поэт, одним словом – винегрет». И эта шутка была знакома Антону Белинскому [7, с. 136].

Тянуло в лабораторию Антона Иокингфовича ещё и потому, что курс физической и органической химии в УСА преподавал бывший ассистент Альберта Эйнштейна Давид Рейхштейн.

В сентябре 1926 года в Украинскую Сельскохозяйственную Академию в Подебрадах с официальным визитом прибыл митрополит греко-католической церкви Андрей Шептицкий. Митрополит уделил внимание не только руководству академии, но и пожелал посетить различные студенческие лаборатории и кабинеты. Он скрупулёзно, а временами и дотошно, расспрашивал студентов о жизни и учёбе. И даже подарил вузу «дорогой аппарат», так называемое «Горное солнце», – «вещь просто необходимую», по словам свидетеля события, украинского студента и однокурсника Антона Белинского Михаила Еремиева [8, с. 213–216]. Вместе с Еремиевым Антон Иокингфович был свидетелем «передачи» «Горного солнца».

По всей видимости, Антон Иокингфович был человеком ещё и со здоровой толикой юмора, но с пошатнувшимся здоровьем. Известен такой эпизод из его жизни. В 1926 году редакция академической юмористической студенческой газеты «Подебрадки» взялась за новый номер. В частности, редакцией выискивались различные смешные ситуации или выражения из жизни академии. Один из «сюжетов» и был подобран студентом Белинским. Ему все никак не давала покоя манера приёма больных академическим врачом Модестом Левицким. Любого больного – «подебрадца» – Модест Филиппович встречал словами «Не болит ли вас ничего в груди?» И если слышал утвердительный ответ, то невозмутимо добавлял: «Ну вот, так и моя покойная жена жалелась на боли в груди, а потом раз – взяла и умерла» [9, с. 211–213]. После 1927 года какие-либо сведения о Антоне Иокингфовиче Белинском, к сожалению, отсутствуют.

Ещё одна «маленькая личность» белорусской межвоенной пражской эмиграции – дивизионный врач 3-й Железной дивизии бобруйчанин *Александр Максимович Жихович*. Родился 1 января 1900 года в г. Бобруйске Минской губернии «в семье Максима Романовича и Надежды Николаевны (в девичестве Любанской)» [10, с. 233], православный, «приналежності української» («национальности украинской», так написано его рукой – О. З.). Военный врач, заместитель директора Киевского клинического госпиталя, руководитель «Летючого перев'язочного загону Військового міністерства Центральної Ради» (январь 1918 г.). «Помічник начальника Летючого перев'язочного загону Армії УНР (1919 г.), начальник Санітарної літучки 3-ї Залізної стрілецької дивізії» (1920–1921 г.)» Стоит отметить, что перевязочный отряд, которым командовал Жихович, базировался в Киеве на улице Лютеранской, дом 18. «Боевое крещение» отряд Жиховича принял во время так называемого Январского восстания и наступления на Киев войск полковника М. Муравьёва.

В «Curriculum vitae» Жихович писал: «*Працюючи в Шпиталі, студіював на 1-х Загальноосвітніх курсах при 1-й Київській Олександрівській Гімназії і в році 1918 витримав іспит за 8 клас при Київській Шкільній Окрузі. На Вищу Школу піти не міг, бо виїхав разом з Українською Армією (в складі її) в січні 1919 р. Весь час служив в передових частинах як помічник Н-ка Літучого Перев'язочного Отряду і (потім в р. 1920) як Н-к Санітарної Літучки 3-ї Залізної Стрілецької дивізії – до інтернування в листопаді 1920. В інтернації продовжував виконувати обов'язки лікарського помішника*» [11, л. 30–31].

7 сентября 1922 года в Праге Александр Максимович женился на сестре милосердия Марии Илюк (буковинка, была интернирована в Калише как участница 1-го Могилёвского полка (Могилев-Подольского – О. З.) 3-й Железной Дивизии). Мария Илюк тоже была студенткой экономического отдела экономическо-кооперативного факультета УСА, но уволена из академии в 1925 году за неуспеваемость.

В 1925 году Жихович пережил операцию – секвестротомию – удаление глубокого нарыва на тазовой кости. Нарывы беспокоили его ещё на протяжении двух лет. Из-за этого ему пришлось даже просить отсрочку одной из сессий. Тем не менее он закончил экономический отдел экономическо-

кооперативного факультета. Дипломную работу по теме «Рынок как фактор развития сельского хозяйства» защитил с оценкой «отлично» в 1927 году.

Дипломным руководителем «уэнэровца» Жиховича был известный украинский политик и кооператор Борис Мартос – противоречивая личность в среде украинской пражской эмиграции: с одной стороны, кооператор и экономист, а с другой – человек, уж слишком любивший деньги (по некоторым данным, человек приложивший руку к растрате «золотого запаса УНР» – О. З.).

По нашему мнению, «тяготение» Жиховича к профессору Мартосу объясняется некоторыми жизненными реалиями. Во-первых, в 1922 году профессор Мартос кардинально решил вопрос с питанием преподавателей и студентов УСА как семейных, так и холостых с незамужними. А это был год, напомним, в котором Жихович женился. Вначале преподаватели и студенты Подебрадской академии питались в ресторане отеля «У Короля Юрия». Хозяин ресторана согласился на некоторое время снизить цену обедов по той причине, что обедавших было огромное количество. Но даже этот вариант был дорогостоящим для преподавателей и студентов, поэтому семейным на некоторое время пришлось питаться на своих съёмных квартирах. А это было очень неудобно. Не у всех были спиртовки, да и процесс приготовления пищи отнимал деньги и время. Профессор Мартос поднял этот вопрос перед Сенатом Академии и Управой Украинского Общественного Комитета. Так, у студентов и преподавателей УСА появились магазин и столовая. Примечательно то, что обеды в столовой академии стоили всего 5 чехословацких крон. Тогда как в ресторане цена такого обеда варьировалась от 7 до 9 крон. Впоследствии была введена практика так называемых «дешёвых обедов» стоимостью 3,5 крон. Отличие такого обеда от полноценного было в том, что он был или без мяса совсем, или с половиной порцией мяса. В долларовом эквиваленте это составляло всего около 15 центов (официальный курс чехословацкой кроны по отношению к американскому доллару в 1923–1933 годах равнялся 100 : 2,96 [12, с. 85–86] или 100 : 3 – О. З.). Но, наверное, самым важным было то, что студенты и преподаватели питались блюдами родной и знакомой им украинской кухни: борщом, гречневой кашей, варениками, голубцами. «...Не було ні горілки, ні пива, що також сприяло зменшенню витрат на харчі, – писав Борис Мартос, – зате можна було дістати склянку чаю чи молока за дуже дешевою ціною. Згодом було заведено й дешеві вечері. Студенти – члени управи й роздатчики – за свою працю мали безплатні харчі. Змінювалися вони кожні чотири місяці, і в цей спосіб члени управи відбували і практичні вправи з кооперації» [13, с. 206].

Во-вторых, примечательна сама по себе тема дипломной работы Александра Максимовича – «Рынок как фактор развития сельского хозяйства». Своим дипломным руководителем Жихович избрал действительно толкового специалиста, профессионала, который знал чему, зачем и как учить; который имел жизненную смекалку и который мог реально подсказать как выжить. Евгений Андрос – заведующий отделом философской антропологии Института философии им. Г. Сковороды НАН Украины так писал в своей публикации «Идея для XXI века: выдающийся кооператор Борис Мартос и сегодня»: «...Взгляды Мартоса на сельскохозяйственную кооперацию, основанные на глубинных фундаментах на пересечении европейской традиции кооперативного движения XIX и начала XX веков и украинских традиций в этом вопросе, тоже актуальных в начале XX века, являются образцом для нынешних организаторов сельскохозяйственного производства и жизни на селе» [14] (перевод с украинского наш – О. З.).

Последние известия о Жиховиче датируются 1928 годом. Работник Книгопечатного Акционерного Общества «УНИОН» в Ужгороде. После себя Жихович оставил воспоминания о лагерной жизни в Польше. Их название «Ночь печалей». (Нужно отметить, что большинство подебрадцев-«уэнэровцев» оставило после себя различные воспоминания. С одной стороны, это был выход их эмоций, психологическая разрядка, а с другой – тренировка, практикум украинского языка. Преподаватели УСА (Трохим Пасечник и Модест Левицкий), Матуральных курсов при УСА, а затем при УВПИ им. М. Драгоманова в Праге таким образом проверяли уровень владения украинским языком и выявляли те или иные политические настроения в студенческой (в большинстве петлюровской) среде. – О. З.).

Совсем немного известий о Куровском Владимире Александровиче – казаке 3-й Железной дивизии, белорусе из города Черя Могилёвской губернии. (Ныне село Черя Чашницкого района Витебской области – О. З.). Дата его рождения 28 апреля 1896 года. Гражданство Украины он принял в городе Каменце-Подольском. Закончил коммерческую школу. О своей учёбе отмечал, «что по немецкому и французскому языку имел «четвёрки», тогда как за русский язык выше «тройки» не имел». [15, л. 6–7] (в каком городе окончил коммерческую школу Куровский, к сожалению, в «Curriculum vitae» не указал. – О. З.) В 1920-м вступил казаком в Украинскую Армию. Вместе с ней был интернирован в польском Ланцуте. 5 августа 1924 года зачислен студентом лесничего отдела агрономическо-лесного факультета. Но, к сожалению, не попал в состав тех, кто успешно защитил диплом. Последние данные о нем зафиксированы 1924 годом.

Служба Григория Ефременка – «маленького пражского белоруса», поручика 20-го куреня, – связана с 3-й Железной Дивизией Армии УНР. Как уже упоминалось, Ефременко числился в списках абсолювентов и дипломников (выпускников – О. 3.) Украинской Сельскохозяйственной Академии.

В личном деле Григория Ефременка, единственном без отчества, только скромное «Curriculum vitae» и, как и у Антона Белинского, ни одной фотографии. Родился 24 декабря 1898 года по некоторым данным в местечке Старые Журавичи Рогачёвского уезда Могилёвской губернии, ныне Рогачёвского района Гомельской области. Тогда как по другим данным – в местечке Старые Жировичи (Гродненщина). В частности, в книге летописца культурно-образовательной деятельности украинской эмиграции в ЧСР Симона Нарижного фигурирует дословное название – «Старі Жиравичі» [6, с.157]. Месту рождения Ефременка мы уделяем такое пристальное внимание по двум причинам. Во-первых, в те времена ещё не было кодифицировано украинское правописание и часто писали так, как слышали. Например, не «Илларион», а «Варивон»; не «ресторация», а «реставрация» и так далее. Сам Григорий Ефременко написал, как указал Симон Нарижный, – «Старі Жиравичі». Во-вторых, авторы «Подбрадского полка» – алфавитной биографической энциклопедии всех студентов УСА в Подбрадах (вышло два тома 2015, 2017 гг. – О. 3.) – Роман Коваль и Виктор Моренец – настаивают все же на первом варианте [4, с. 226]. Но, в связи с тем, что в 2014 году один из авторов «Подбрадского полка», Роман Николаевич Коваль, был уличён в перекручивании фактов при издательстве мемуаров Юрия Горлиса-Горского (роман «Холодный Яр») и в целом обвиняется в «свободной трактовке» исторического материала [16], допускаем неточности при прочтении Ковалем и Моренцом рукописного «Curriculum vitae» Григория Ефременка.

Григорий Ефременко указывает, что по национальности он – белорус. Закончил четыре класса гимназии в Могилеве, а затем шесть классов в Петербурге. В царской армии оказался в апреле 1916 года, прежде окончив Военную школу в Казани. 10 января 1917 года он отправлен на Юго-Западный фронт, «де пробув до появи большевицької влади, під час якої дезертирував у тил». «У грудні 1917 року добровільно вступив до українського війська в м. Київ, в складі якого взяв участь у боротьбі проти большевиків. А в 1919 році – проти армії Денікіна. Двічі поранений та контужений» [15, л. 9]. После перехода реки Збруч 3-й Железной дивизией, её подразделения были интернированы в польском городе Калиш. Судя по переписке между УСА и Григорием Ефременком, в Калише он пробыл до 23 июня 1923 года. Тогда как после приезда в Чехословакию, понимая, что не имеет законченного полного среднего образования, записывается на Матуральные курсы при Подбрадской академии. (Матура (лат.) – последний экзамен по окончании гимназии, разрешающий перейти обучаться в университет – О. 3.)

Преподавателем украинского языка и литературы у Григория Ефременка на Матуральных курсах был винничанин Трохим Иванович Пасечник. Блестящую характеристику этому выпускнику Винницкого учительского института дала дочь Симона Нарижного – Наталья Нарижная: «...Професор Трохим Пасічник був середнього зросту мужчина, худощавий, з великими зеленкуватими очима, який рідко коли сміявся і часто кашляв. Бували дні, що обличчя його нагадувало видужену цитрину і бували дні, коли ніхто не міг йому догодити. Часами ж він приходив до класу зі скрипкою в руках і після короткого словесного вступу починав грати мелодію завжди тої самої пісні «Віють вітри, віють буйні, аж дерева гнуться»... Виступи професора викликали в нас зовсім не ту реакцію, на яку вони заслуговували. Однак ми згадували нашого учителя з великою пошаною. Навіть тим найменше зацікавленим і найбільше лінивим, професор Трохим Пасічник зумів вкласти в душі любов до рідного слова, де вона залишилася на все життя...» [17, с. 33–34]. Но было у профессора Пасечника ещё одно качество, которое не позволяла матурантам забывать о нём. Трохим Иванович не переносил табакокурение и всегда, как вспоминала Наталья Нарижная, удивительно быстро оказывался там, где кто-то брал в руки сигареты или сигары. А надо сказать, что проблема табакокурения была актуальной для украинской и белорусской пражских эмиграций – она значительно влияла на состояние здоровья всех эмигрантов. Григорий Ефременко, как и другие матуранты, был замечен в пристрастии к чешской марке сигарет «Vlasta».

В 1924 году Ефременко уже действительный студент статистического отдела экономическо-кооперативного факультета. В 1928 году им защищена дипломная работа по теме «Народное хозяйство Беларуси в составе БССР» с оценкой «отлично». В мае 1929 года он получает диплом и титул инженера-экономиста.

Дипломным руководителем бывшего поручика был легендарный академик Фёдор Щербина, основоположник российской бюджетной статистики, член-корреспондент Петербургской АН (1904). Григория Ефременка, скорее всего, подкупало желание академика Щербины развить закон обеспечения нормальных потребностей трудового населения в особую отрасль бюджетной статистики. Именно это и стало отправной точкой написания Ефременком дипломной работы по теме народного хозяйства Советской Белоруссии. Тогда как в эмиграции анализ производства и потребления в разных странах, произведенный на основе данных Международного института в Риме, позволил Щербине вывести закон зональной

зависимости между плотностью населения, степенью интенсивности и продуктивностью сельскохозяйственной отрасли, который лег в основу курса мировой сельскохозяйственной статистики.

Последние известия о Григории Ефременке датируются тем же 1929 годом. После окончания УСА он уехал на Закарпатье.

Среди дополнительных известий о Ефременке следующие факты. Во-первых, в марте 1925 года он написал в Праге воспоминания «Самое влиятельное событие, которое я пережил во время Освободительной борьбы» (7 страниц – О. 3.). В этом воспоминании Григорий Ефременко описывает ситуацию, при которой попадет в плен к большевикам и уже практически готовится к расстрелу, но ему удаётся бежать из плена [15, л. 32–39]. Во-вторых, у Григория Ефременка было хорошее чувство юмора. В 1926 году он предложил интересный сюжет для юмористической студенческой газеты «Подбродка», как и упомянутый выше Антон Белинский. Объектом иронии Ефременка стал доцент Василий Королив, читавший спецкурс по анатомии и физиологии сельскохозяйственных животных. Королив открыто считал себя большим коммерсантом и очень практичным человеком. Поэтому, поддерживая студенческую братию, Ефременко разузнал, что доцент специально подыскал и купил себе дом, равноудалённый от своих мест работы. Как в Прагу, так и в Подброды Короливу надо было добираться поездом ровно два с половиной часа [9, с. 211–213]. В-третьих, Григорий Ефременко был в составе тех студентов, которые были задействованы в официальном приёме в стенах УСА митрополита Украинской Греко-Католической Церкви Андрея Шептицкого в сентябре 1926 года. Допускаем, что, возможно, по вероисповеданию Ефременко сам был греко-католиком.

Отдельно в списке подбродцев «стоит» *Марина Алексеевна Нестеренко (Нестеренкова)* – сестра милосердия, подпольщица, общественный деятель; заведующая пунктом питания для беженцев на станции Соколовка (1915–1916 гг.). Переводчик Чрезвычайной украинской миссии при Главном управлении Генерального штаба УНР (1919 г.). Учитель высшей начальной школы и главный хранитель денег «Провиты» местечка Смотрич Каменецкого уезда (сентябрь 1920 г.). Служащая Министерства Народного образования при Украинской гимназии в г. Тарнов (Польша) в ноябре 1920 г. Родилась 30 сентября 1897 года, национальность – белоруска, княжеских кровей. Выросла в семье князя Алексея Оболенского и Елены из Клитеров. Её отец был либералом-демократом и ярким противником царского самодержавия, хотя с детских лет Марина Алексеевна была знакома с русским писателем Львом Толстым, влиятельными родственниками царской семьи и даже с самим Григорием Распутиным.

В 1907 году она пополнила ряды Мариинской женской гимназии города Могилева (Беларусь), откуда перевелась в Кембридж (Великобритания), где и закончила 4 класса в 1910 году. Затем училась в Москве в Дворянском институте благородных девиц имени Александра III. В 1914–1915 годах на собственные средства создала госпиталь и работала в нем сестрой милосердия. Первый раз была замужем за князем Петром Кропоткиным (убит большевиками в Киеве в 1920 году. – О. 3.)

Февральская революция настигла Марину Алексеевну в Киеве и именно здесь она присоединилась к украинскому национально-освободительному движению [4, с. 206–207].

С декабря 1918 года Марина Нестеренко – работник департамента импорта Министерства торговли и промышленности УНР. Как переводчик торговой миссии побывала в Венгрии, Австрии и Чехословакии в январе 1919 года. В Каменце-Подольском работала при Генеральном штабе Армии УНР связной, перейдя фронт, заболела тифом и вернулась в Киев.

После ликвидации дипломатической торговой миссии работала в Варшаве в Чрезвычайной Украинской миссии. Интернирована в городе Калише, где 6 сентября 1924 года вышла во второй раз замуж за Афанасия Нестеренка. С 24 ноября 1924 года – в эмиграции в ЧСР. Родив второго сына, стала студенткой кооперативного отделения экономическо-кооперативного факультета УСА (приказ о зачислении датирован 16 декабря 1925 г.). Дипломную работу по теме: «Роль государства, самоуправления при кооперировании в агрокультурном улучшении» защитила с оценкой «отлично». Её научным руководителем был известный украинский профессор Александр Мыщук.

Скорее всего, в Александре Корнеевиче Мыщюке Марину Алексеевну (студенты Подбродской Академии самостоятельно определялись у кого будут писать и защищать дипломные работы) подкупила та же неутомимая энергия, которой она могла похвастать сама. Так, в 1918–1919 годах Александр Мыщук был министром внутренних дел Директории УНР, затем делегатом Трудового Конгресса Украины. После отставки правительства в феврале 1919 года Александр Корнеевич прибыл на Подолье и здесь заложил основы Винницкого и Каменецкого Хозяйственных Союзов. В эмиграции он много сил и энергии отдавал вопросам материального обеспечения украинских изгнанников. Ко всему прочему, Мыщук – автор учебников «Политическая экономия» и «Аграрная политика» [18, с. 693].

К сожалению, в личном деле Нестеренко диплома не обнаружено, однако есть посмертное упоминание о том, «что как человек, Марина Алексеевна была решительной правдолюбой с широкой душой и добрым сердцем». Умерла Марина Алексеевна Нестеренко в 1948 году в Филадельфии (США) [19, с. 4].

В упомянутой уже летописи жизни и деятельности украинской межвоенной эмиграции Симона Нарижного есть заметки ещё о двух «маленьких» пражских белорусских личностях – Павле Ходаркевиче и Петре Антоновиче – «неуэзеровцах», но абсолювентах и дипломниках экономическо-кооперативного факультета УСА в 1927 и 1932-м годах [6, с. 152, 160]. Но речь о них пойдёт сейчас не в контексте Подебрадской Академии, а в связи с начальной деятельностью Украинской студии пластического искусства.

Несколько слов о самой Студии пластического искусства. Это была художественная студия, организованная в Праге по типу высшей художественной школы украинским Товариществом пластического искусства во главе с Дмитрием Антоновичем. Обучение в студии было четырёхгодичным. По окончании дипломники получали титул магистров искусства. Самой большое количество учеников студия имела в 1925 году – 67. Преподавателями Студии в своё время были: Иван Мирчук (эстетика), Степан Литов, Юрий Русов (пластическая анатомия), Фёдор Слюсаренко (классическая археология), Сергей Тимошенко (до 1929, архитектура), Владимир Сичинский (перспектива), Константин Стаховский (скульптура), Сергей Мако (график и автор логотипа «Люфтганзы»), Иван Кулец (рисунок), Иван Мозалевский, Роберт Лисовский (графика). Студия в целом просуществовала до начала 1950-х годов [20, с. 194].

Вот что писала о упомянутых талантливая выпускница не только студии (художник и скульптор), но и Украинского высшего педагогического института им. М. Драгоманова в Праге, боевая единица 3-й Железной стрелечной дивизии армии УНР (в 1920 году награждена за мужество Железным крестом), писательница Галина Мазуренко-Боголюбова (1901–2000): «... Перебрались наши и не наши хлопцы через кордоны всякими путями. Попросили комнаты. Им дали. Кто учился чему. Кто рисовал. Шибко не переживали. Те, кто рисовал, имели только карточки на обеды. А ведь рисовать надо было натуру. Что делать? На натурщицу денег нет. Вот и упростили знакомых сябров попозировать. А чтобы никому не было обидно, поочередно позировали и сами. Каждый из них был по-своему симпатичен. Один напоминал фигурой Аполлона. Вот и дорисовывали, бывало, одежду Аполлона. Вторым был, как Ахилл.... Соответственно, пошли рисунки один краше другого. Покушают хлопцы в столовой Общественного комитета борца и хлеба (хлеба – сколько хочешь!!!!), ну и вновь к своим Ахиллу и Аполлону.... Кто позировал, а кто рисует или наоборот.

Всё было хорошо и спокойно. Не чувствовали беды над собой парубки. И Шаповал радовался, что вот в общине искусством балуются, а не пьют, что сигареты меняют на бумагу и уголь. Шаповал тоже не чувствовал беды над собой, а только приглаживал свои усы, которые оттопыривались, как у моржа. Но так всегда бывает, начали множиться разные слухи. Шаповал вначале им не верил, а потом громыхнул кулаком по столу и заявился-ввалился в «Академию». Увиденное его ошеломило. Минуту он стоял, как столб, и молчал. А потом....

Надо сказать, молчали и хлопцы, и дальше себе рисовали. Позирующая «натурщица» же тем временем дожёвывала хлеб и абсолютно никого не стеснялась. Шаповал взорвался. Нет, он не сказал: «Извините, но в общественном учреждении такого не должно быть!» Он бухнул по-украинскому: «А ну, вон, отсюда, халамыдники!!! Чтобы духа здесь вашего не было!!!!» Как точно на самом деле было дальше, не знаю, но «Академия» осталась на некоторое время «без крыши», а наши хлопцы и сябры без хлеба...» [21, с. 12] (перевод с украинского наш – О. З.).

Среди тех белорусов, кто действительно был причастен к Студии пластического искусства профессионально, находим Виктора Жевнеровича и Владимира Шиманца. Их картины выставлялись в Париже и в Нью-Йорке, но никогда в родной Беларуси.

Таким образом, «маленькие личности белорусской пражской эмиграции» – одна из составляющих механизма исторического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский энциклопедический словарь : в 2 кн. / под ред. А.М. Прохорова. – М., 2001. – Кн. 1 : А–Н. – 946 с.
2. Белорусская «Свобода» объявила белорусов в армии УНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gazeta.ua/ru/articles/history/_belorusskaya-svoboda-ob-yavila-belorusov-v-armii-unr/703886. – Дата доступа – 11.10.2017.
3. Тютюнник, Ю. 3 поляками проти України / Ю. Тютюнник; з передмовою та примітками М. Любченка. – Харків : Друкарня державного видавництва країни ім. Г. Петровського, 1924. – 102 с.
4. Коваль, Р. «Подебрадський полк» Армії УНР: До історії Українських січових стрільців, Богданівського та Гордіснівського полків військ Центральної Ради, 1-ї Сірої, 1-ї Запорозької, 2-ї Волинської, 3-ї Залізної, 4-ї Київської, 5-ї Херсонської та 1-ї Кулеметної дивізій Армії УНР, Галицької армії, Вільного козацтва, повстансько-партизанського руху, Запорозької Січі Юхима Божка, Окремого чорноморського коша військ Директорії, ЛУН, УВО, ОУН, Карпатської Січі та дивізії «Галичина» / Р. Коваль, В. Моренець ; Бібліотека Історичного клубу «Холодний Яр». – Київ : Історичний клуб «Холодний Яр»; «Український пріоритет», 2015. – Кн. 5. – 375 с. – (Серія «Видатні українці»).
5. Шрамченко, Л. Українське, білоруське та грузинське студентство на високих школах ЧСР. Статистичний нарис / Л. Шрамченко. – [Б.м.], 1926. – 34 с.

6. Наріжний, С. Українська еміграція. Культурна праця української еміграції між двома світовими війнами / С. Наріжний. – Ч. 1. : 1918–1939 рр. – Прага : [б.м.], 1942. – 372 с.
7. Слабошпицький, М. 25 поетів української діаспори / М. Слабошпицький. – К. : Ярославів Вал, 2006. – 727 с.
8. Єремій, М. Відвідини Митрополитом Андрієм Шептицьким Академії / Михайло Єремій // Український культурологічний альманах «Україна-Чехія». Частина II. «Хроніка-2000». – Випуск 29-30. – Число VIII. – К. : Фонд сприяння розвитку мистецтв України, 1999. – С. 213–216.
9. Єремій, М. З подебрадського гумору / Михайло Єремій // Український культурологічний альманах «Україна-Чехія». Частина II. «Хроніка-2000». – Випуск 29-30. – Число VIII. – К. : Фонд сприяння розвитку мистецтв України, 1999. – С. 211–213.
10. Коваль, Р., Моренець, В., Юзич, Ю. «Подебрадський полк» Армії УНР: До історії Українських січових стрільців, Богданівського та Гордієнківського полків військ Центральної Ради, 1-ї Сірої, 1-ї Запорозької, 2-ї Волинської, 3-ї Залізної, 4-ї Київської, 5-ї Херсонської та 1-ї Кулеметної дивізій Армії УНР, Галицької армії, Вільного козацтва, повстансько-партизанського руху, Запорозької Січі Юхима Божка, Окремого чорноморського коша військ Директорії, ЛУН, УВО, ОУН, Карпатської Січі та дивізії «Галичина» / Бібліотека Історичного клубу «Холодний Яр» / Р. М. Коваль, В.І. Моренець, Ю. П. Юзич – Київ : Історичний клуб «Холодний Яр»; «Орієнтир», 2017. – Т. 2. – 375 с. (Серія «Видатні українці». – Кн. 8).
11. Центральний державний архів вищих органів влади і управління України в г. Києве (ЦДАВОВУ). – Ф. 3795. Оп. 1. Д. 1070.
12. Зубко, О.Є. Створення та діяльність Українського вищого педагогічного інституту ім. М. Драгоманова в Празі (1923–1933 рр.) : дис... канд. іст. наук. 09.00.12 (українознавство). – К. : КНУ імені Тараса Шевченка, 2010. – 224 с.
13. Мартос, Б. Заснування Української Господарської Академії / Борис Мартос // Український культурологічний альманах «Україна-Чехія». Частина II. «Хроніка-2000». – Випуск 29-30. – Число VIII. – К. : Фонд сприяння розвитку мистецтв України, 1999. – С. 199–220.
14. Безсмертний-Анзіміров, А. Борис Мартос / Андрій Безсмертний-Анзіміров // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://incognita.day.kiev.ua/boris-martos.html>. – Дата доступу: 21.05.2015.
15. ЦДАВОВУ в г. Києве. – Ф. 3795. Оп. 1. Д. 1342.
16. Родина автора роману «Холодний Яр» вимагає, щоб Роман Коваль припинив друкувати перевернутий книжку. ЛИСТ [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://vikna.if.ua/news/category/old-1286224999/2014/12/22/26996/view>. – Дата доступу: 11.06.2014.
17. Наріжна, Н. Дитячими очима (Спомин) / Наталка Наріжна. – Praha, 2010. Vydalo Sdružení Ukrajinek v České republice. Editor Mykola Mušinka. – 100 s.
18. Данилюк, Д. Мицюк Олександр [Електронний ресурс] // Енциклопедія історії України : Т. 6 : Ла-Мі / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. – К. : В-во "Наукова думка", 2009. – 790 с. : іл. – Режим доступу: http://www.history.org.ua/?termin=Mytsyuk_O. – Дата доступу: 24.01.2016.
19. П. Ф. Марина Нестеренко (Нестеренкова). (Посмертна згадка) // «Наше життя» (Філадельфія). – Ч. 2. – Рік V. – 1948. – Лютий. – 8 с.
20. Українська студія пластичного мистецтва: Сергій Мако [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://artesanac.com/serhiy-mako/>. – Дата доступу: 02.02. 2016.
21. Мазуренко, Г. Шлях творчих зусиль / Галина Мазуренко. – Скит поетів. – Лондон, б.м.в., 1971. – 214 с.

Поступила 29.01.2018

«LITTLE» PERSONS OF THE BELARUSIAN PRAGUE EMIGRATION OF THE 1920s

O. ZUBKO

The material provided informs about the Belarusians who fought in the military units of the UNR Army (1917–1921): Antone Belinskomy (Mozyr), Alexandr Zhikhoviche (Bobruisk), Grigorse Efremenke (Starye Zhirovichi), Marine Nesterenkovej (Mogilev); Pavle Khodarkiewicz and Petra Antonovich, the place of birth, which is not known. Once abroad, in the inter-war Czechoslovakia, they all tried to rethink their lives and achieve a new social status with the help of higher education. As «little» personalities of the Belarusian Prague emigration, they are an important and significant object of study of the «big» (social) history.

Keywords: Belarusian emigration, inter-war Czechoslovakia, biographies, social history, 1920s.